

М. П. Криницына

ТРАКТОВКА Н. Н. СТРАХОВЫМ РОМАНА «ВОЙНА И МИР» В СВЕТЕ ЕГО СОЦИАЛЬНО-ЭСТЕТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ

Современный литературовед Б. Ф. Егоров заметил, что публицисты XIX в. оказались неподготовленными «к достойной встрече романов двух гениев русской литературы — Толстого и Достоевского, предоставив все глубокие статьи о них XX веку»¹. Что касается Л. Н. Толстого, это, конечно, не так. В массе критических отзывов Толстой выделил только статьи Страхова как наиболее верно толкующие его роман. В первых книжках нового журнала «Заря» появились статьи Страхова о «Войне и мире», на которые критики и читатели не обратили особого внимания. В письме к Достоевскому от 17 марта 1870 г. Страхов приводит слова А. П. Милюкова: «...какие глупости пишет Страхов! Превозносит Толстого! Я удивляюсь, что нашелся журнал, который печатает подобные вещи»².

Страхов в самом деле около года пытался найти журнал, который напечатал бы его статьи о Толстом. С подобной просьбой обращался Страхов и к М. Н. Каткову, редактору журнала «Русский вестник», но безуспешно. Сразу после выхода в свет в конце 1867 г. первых трех томов «Войны и мира» Страхов пишет статьи о романе, но тщетно пытается публично вступить в разгоревшуюся в 1868 г. полемику вокруг романа.

Лишь став редактором нового журнала «Заря», Страхов в январе 1869 г. начинает публиковать три статьи о «Войне и мире». В обществе страховские статьи приняли в основном враждебно. Страхов сам признавался в письме к Ф. М. Достоевскому от 14 февраля 1870 г.: «...за Толстого один человек похвалил восторженно, другие помалкивают, — это я говорю о разговорах, а в печати я кроме брани ничего не встречаю»³.

Несмотря на то что Страхов к концу 1860-х гг. был уже известным публицистом, его статьи о романе «Война и мир» не приняли и не

поняли. Лишь через пятнадцать лет они оказались востребованными. Свои статьи о «Войне и мире» Страхов переиздавал сначала в 1871 г. отдельной книгой, а затем в 1885 г. в книге «Критические статьи об И. С. Тургеневе и Л. Н. Толстом (1862–1885)», которая выдержала пять изданий: 1885, 1887, 1895, 1901, 1908 гг.

Страхов начал писать о Толстом еще с 1863 г. в связи с его педагогической деятельностью. В 1866 г. Страхов обратил внимание на ранние произведения Толстого и отозвался статьей⁴. Страхов отмечает непохожесть героев произведений Толстого (критик берет для примера повести «Детство», «Отрочество», «Юность», «Казачьи», «Севастопольские рассказы», «Набег») на произведения А. Ф. Писемского («Русские лгуны») и И. С. Тургенева («Довольно»). Если Писемский изображает «пошлость пошлого человека», «безобразие и фальшь»⁵ жизни, но видит фальшь там, где ее нет; если у Тургенева показан малодушный герой, которого ничего не радует и не печалит, то у Толстого «прямо рисуются люди, у которых идеал оскудел, которые ищут прекрасного образа мыслей и чувств и страдают среди этого искания»⁶, так как «им жить нечем»⁷. Исход — в обращении к «явлениям настоящей, правдивой жизни». «Отсюда возникает у гр. Л. Н. Толстого, как и у других наших писателей, очень тонкое понимание простого народа», потому что «народ знает, зачем он живет и как ему следует жить»⁸. В этом заключении проявился основной принцип Страхова-почвенника: почва (то есть культурные традиции простого народа) — источник жизненной силы для духовного обновления образованного общества. Тему, которую выделяет Страхов в «Севастопольских рассказах», тему истинного героизма, как одну из главных выделит критик в романе «Война и мир» — благородную искру героизма Страхов называет Божественной искрой души.

О своих статьях 1870 г., посвященных «Войне и миру», Страхов писал Толстому, что это его лучшая критика. За десять лет до смерти, когда Страхов уже почти не занимался литературной критикой, в предисловии к книге «Критические статьи об И. С. Тургеневе и Л. Н. Толстом (1862–1885)» 1885 года издания Страхов говорил, что статьи о Тургеневе и о Толстом являются главными его статьями и что поклонение его Толстому началось именно с «Войны и мира».

В этом же предисловии Страхов справедливо приписывает именно себе честь открытия самобытных черт романа «Война и мир». «Задолго до нынешней славы Толстого, — писал Страхов, — до восторгов,

вызванных его произведениями за границей и повторенных у нас, в то время, когда даже еще не была кончена *Война и мир*, я почувствовал великое значение этого писателя и старался объяснить его читателям. <...> Долго я подвергался за него насмешкам, но наконец сила вещей победила, и теперь, вероятно, тот сам заслужит похвалу, кто превзойдет других в похвалах Толстому». И далее продолжает: «Я первый <...> провозгласил Толстого гениальным и причислил его к великим русским писателям»⁹. Н. Н. Скатов оспаривает это мнение Страхова. Приводя слова Н. Г. Чернышевского о Толстом, высказанные в 1850-х гг., Скатов утверждает, что Чернышевский «открыл» Толстого раньше Страхова.

Страхов практически не рассматривал образную систему романа, композиционные особенности, сложную проблематику. Основное внимание он уделил его идейной основе — отражению национального народного духа. Немного позже Н. С. Лесков напишет, что Толстой сделал «более чем все для вознесения народного духа»¹⁰. Современная исследовательница Л. Д. Опульская отмечает, что важнейшая художественная задача «Войны и мира» — исследование характера целого народа¹¹.

«Всякая литература органически растет на почве того народа, которому принадлежит, — пишет Страхов. — На литературе отражается история народа, постепенное раскрытие его сил, развитие общественного сознания, отношение общества к народу»¹². Такое самобытное развитие, изнутри, а не извне, Страхов называл настоящим, живым, и литература, таким образом, народна, если в ней есть «выражение народного духа»¹³, которое заключалось в религии. Современник Страхова Э. Радлов заметил, что «так как Страхов принимает программу славянофилов целиком, то вполне естественно говорить о его догматической религиозности»¹⁴ (в более зрелые годы Страхов относил почвенничество к славянофильству). В крупных литературно-критических статьях Страхова, несмотря на его осторожные и очень редкие высказывания о религии, был именно религиозный взгляд на произведения.

В социально-эстетической концепции Страхова помимо мнения о народности важны его антинигилистические взгляды. Он с самого начала своей публицистической деятельности боролся с бездуховной сущностью нигилизма, отрицающего общепринятые ценности, идеалы, моральные нормы, культурные традиции народа. Страхов считал, что

причины существования нигилизма следует искать в самом обществе, в его полубразованности и, как следствие, в господстве авторитета Запада, моральных, политических, социальных западных идеалов.

Отвергая слепое подражание западной цивилизации, Страхов при этом соглашался с неизбежностью и даже с необходимостью принятия ее идеалов (за исключением нигилистических и прочих идей, не имеющих в русской действительности никаких оснований), но ни в коем случае не отказываясь от своего, родного. Идея самостоятельного, самобытного развития на основе народных идеалов — руководящая идея для всего творческого наследия Страхова: «Необходимо, чтобы мы жили не чужою, а своею умственной жизнью, чтобы чужие идеи не просто отпечатлевались или отражались на нас, а превращались бы в части нашего организма»¹⁵. Тогда как западничество, или космополитическое, общественное направление отдает приоритет чужим идеалам и презирает родные, национальные.

Страхов в романе Толстого увидел воплощение своей любимой идеи, как он ее называет, идеи национальности, то есть идеи преимущества народных идеалов перед западными. В черновике «Предисловия ко второму изданию» «Критических статей об И. С. Тургеневе и Л. Н. Толстом (1862—1885)» Страхов проговорится: пример Толстого «всего лучше поясняет мою мысль»¹⁶. Но эту фразу, столь явно выявляющую пафос всех статей Страхова о Толстом, он вычеркнет.

При разборе романа Толстого целью Страхова было раскрыть духовную суть произведения: его главные идеи, истины, которые прозрел Толстой своим художественным взором. С общей философской точки зрения Страхов говорит о произведении на основе религиозных воззрений: изображая своих героев, Толстой прежде всего стремился показать их внутренний мир, человеческую душу, ее проявления, а главное — показать то вершинное в ней, ту ее истинную красоту, искру Божью, которой обладает каждый человек и в которой «заключается человеческое достоинство личности»¹⁷. Можно сформулировать основные вопросы, на которые дает ответ статья Страхова: как проявляется в человеке искра Божественного пламени, может ли обычный простой человек быть героем?

Герои «Войны и мира» — это и простые русские люди, и дворяне. Они живут обычной жизнью, но действие романа происходит в тяжелую для страны эпоху наполеоновских войн: сначала войн в союзе с Австрией на ее территории в 1805 и 1807 гг., а затем оборонительной

Отечественной войны 1812 года. Люди вырваны из мирной жизни, жизненный уклад нарушен. Проявление в людях незаметного в обычных условиях жизни, но пробуждающегося в крайних обстоятельствах героизма как искры Божией — вот важнейшая идея романа, которую выделил Страхов.

В своем романе Толстой вывел жизнь, которая держится на твердых, незыблемых началах, где «понятия о добре и зле отчетливы и прочны», — семейную и армейскую. И в домашней, мирной жизни, и на поле брани проявляется человеческое достоинство, истинный героизм. Для солдат долг и честь превыше всего. Толстой показал, что основа семейной жизни и жизни государства в целом — в твердом различении добра и зла: «Два семейства, Болконских и Ростовых, представляют нам жизнь, руководимую ясными, несомненными началами, поставляют свой долг и честь превыше всего»¹⁸.

В романе этим семействам противопоставлено семейство Курагиных, развратное, эгоистичное, живущее суетными желаниями власти, денег, удовольствий, без всяких моральных принципов; Курагины не желают ничего знать о несчастьях других людей и равнодушны к бедствиям народа. Болконские же и Ростовы воспринимают войну как личную трагедию и жертвуют собой без раздумья. Так в частной, семейной жизни Толстой показал возможность проявления истинного человеческого достоинства, которое заключается в сознании и исполнении своего долга по отношению к близким и к стране. «Николай делает множество глупостей, мало понимает и людей и обстоятельства, но всегда понимает, что должно»¹⁹.

Страхов признавал за великими писателями дар особенного проникновения в жизнь, особого, безошибочного ее понимания. В проблеме столкновения частной жизни с государственной в «Войне и мире» Страхов отмечает, что и связь с семьей, и государственные интересы — существеннейшие элементы в жизни человека. Такая реальность, по мнению Страхова, изображена в «Войне и мире»: «...не личная эгоистическая жизнь <...>, изображена жизнь общинная <...>, господствует вера в семью и <...> неверие в страсти»²⁰.

Такое неверие в страсти Страхов рассматривает на примере истории взаимоотношений Анатоля и Наташи. Страсть, возникающая между героями, едва не губит Наташу. Здесь Страхов обращается к другой важной проблеме романа — проблеме существования в русской литературе хищных и смиренных типов героев.

Эта теория о хищных и смиренных типах была заимствована Страховым у Григорьева, которого Страхов считал первым и единственным критиком. В своей второй статье о «Войне и мире» Страхов привел точку зрения Григорьева о борьбе в русской литературе чуждых западных идеалов со стремлением создать истинно русские идеалы и типы. Таковую борьбу пережил Пушкин, постепенно отказавшись от чуждого европейского и обратившись к народному русскому идеалу. «В нем в первый раз обособилась и ясно обозначилась <...> истинная мера всех наших общественных, нравственных и художественных сочувствий, полный тип русской души»²¹.

Григорьев, Страхов, Достоевский, как представители почвеннического направления, проповедовали национальные, самобытные народные начала, то есть начала, основанные на традиционной религии, на традиционных ценностях, которые в XIX в. сохранились в чистоте только в среде народа. По мнению Григорьева, Белкин — это национальный тип героя, простого, смиренного. Страхов показал, что Толстой, продолжая традицию Пушкина, в своем романе возводит в идеал простого человека.

Если у Пушкина этот идеал в образе Белкина «проступал только чертами, только указаниями, безошибочными и ясными, но неполными и неразвитыми»²², то в «Войне и мире» Толстого этот идеал впервые воплотился в смирном типе, представленном образами княжны Марьи, Платона Каратаева, офицеров Тушина и Тимохина и многих других. «В первый раз мы увидели несравненную прелесть чисто русского идеала, смиренного, простого, бесконечно нежного и в то же время незыблемо твердого и самоотверженного. Огромная картина гр. Л. Н. Толстого есть достойное изображение русского народа»²³.

Страхов уделяет сравнительно мало внимания главному образу представителя русского народа в «Войне и мире», образу Платона Каратаева. Критик отмечает благотворное влияние Каратаева на Пьера: происходит как бы перерождение, нравственное обновление Пьера. «В этом обновлении,— говорит Страхов,— олицетворено обновление всей России, то раскрытие духовных сил, которое должно было последовать за испытаниями и борьбой. Для Пьера, как и для России, начался новый, лучший период»²⁴.

К образу Платона Каратаева Страхов вновь обратится в 1885 г. В рецензии «Французская статья об Л. Н. Толстом» Страхов пишет, что для русского народа именно в христианстве единственное руково-

дующее правило нравственности и что поэтому только у него высшая свобода и высшее равенство. «Для нашего крестьянина мужик и царь — вполне равны перед Богом, то есть равны в самом главном и высшем отношении»²⁵. «Религия есть действительно душа нашего народа, и святой человек — его высший идеал»²⁶. Современный исследователь А. В. Гулин заметил в связи с темой религиозного взгляда Толстого в романе, что «евангельские, праведные черты в национальном характере всегда означали для него нечто свое, толстовское»²⁷.

Страхов совершенно справедливо отмечает возможность вывести не одну идею из романа «Война и мир», поскольку эпопея охватывает всю жизнь во всей ее сложности. Но для Страхова именно религиозная составляющая жизни человека и народа в целом — главное в романе Толстого. Вот неверующий князь Андрей после тяжелого ранения просит для себя Евангелие и восторгается вдруг ставшей понятной ему истиной сострадания и христианской любви ко всем людям.

«И не одному князю Андрею, но и многим лицам “Войны и мира” открывается это высокое понимание жизни. <...> С удивительной ясностью и силою поэт показывает, как религиозный взгляд составляет всегдашнее прибежище души, измученной жизнью, единственную точку опоры для мысли, пораженной изменчивостью всех человеческих благ. Душа, отрекающаяся от мира, становится выше мира и обнаруживает новую красоту — всепрощение и любовь»²⁸. Страхов пишет, что Толстой «повсюду верен неизменным, вечным свойствам души человеческой»²⁹. Через пятнадцать лет, в 1885 г., в предисловии к своим статьям Страхов вновь утверждает, что роман осуществляет христианский идеал и что у Толстого надо искать путь, ведущий к Богу³⁰.

Одна из главных заслуг Толстого, по мнению Страхова, заключается в том, что писатель прославил чисто русский идеал смирения, возведя его в ранг героизма. А без идеала народ как «тело без души»³¹. В романе «Война и мир» Толстой как истинный художник просто и правдиво изобразил истинное величие смиренного русского типа простого человека в сравнении с блестящим, сильным, хищным типом.

Еще Григорьев отмечал симпатию Толстого уже в его ранних произведениях к смиренному типу и неприязнь к хищному, чужому. Страхов приводит цитату: «Анализ Толстого разбил готовые, сложившиеся, отчасти чужие нам идеалы, силы, страсти, энергии. <...> Везде следит он идеал простоты душевных движений»³². Согласно мнению Григорьева, «именно отрицание всего наносного, напускного в нашем

развитии — вот что господствовало в деятельности гр. Л. Н. Толстого вплоть до «Войны и мира»³³.

Анализируя «Войну и мир», Страхов на примере развития событий в романе доказывает преимущество народных, самобытных идеалов над чужими, западническими. Хищный тип (французское войско) был побежден смирным типом (русское войско) — значит, западническое мировоззрение, западнические идеалы безжизненны. Для Страхова было особенно важно такое жизнью доказанное наблюдение: с начала своей критической деятельности Страхов боролся с нигилизмом, проповедовавшим исключительно западные идеалы.

В годы создания статей Страхов признавал, что авторитет западничества (он называет фамилии Белинского, Добролюбова, Писарева) оставался прежним. Теперь же художественным чутьем Толстой показал преимущество самобытных, народных начал перед западническими, наносными. Для Страхова это знак: смирный тип победил хищный, это значит, что западные идеалы (вера в теорию прогресса, неверие в народ, в возможность его самостоятельного развития) в романе потерпели поражение, значит, и западничество неизбежно должно быть побеждено, а народные, самобытные начала одержат верх как здоровая сила народа. «Без умения терпеть и верить нельзя не только выиграть трудную войну, но и вообще жить»³⁴, — замечает Л. Д. Опульская о героизме русского народа в Отечественной войне 1812 г.

«Григорьев, — пишет Страхов, — рассматривая новую русскую литературу с точки зрения народности, видел в ней постоянную борьбу европейских идеалов, чуждой нашему духу поэзии со стремлением к самобытному творчеству, к созданию чисто русских идеалов и типов»³⁵. (Страхов возводит эти принципы еще к славянофилам, Киреевскому и Хомякову.) Страхов отмечал, что в литературе до сих пор идет борьба между «сочувствиями к простому и доброму человеку и неизбежными требованиями чего-то высшего, с мечтою о могучем и страстном типе»³⁶, то есть между смирным и хищным типами, между народными и западническими идеалами. Только у Толстого в романе «Война и мир» Страхов увидел полную победу смиренного типа над хищным, народных, национальных идеалов над западническими, космополитическими.

Такой взгляд подтверждается исходом Бородинской битвы. Сила духа, которую проявило русское войско, оказалась сильнее духа французского войска, и исход войны в целом был решен вопреки всяким

законам истории: после Бородинского сражения, хотя русскому войску пришлось оставить Москву и отступить, победа в итоге оказалась на стороне русского войска. Русский смиренный тип победил чужой, хищный, что доказывает, по Страхову, преимущество ориентированной на народные идеалы идеи национального, самобытного, самостоятельного развития перед идеей космополитической, ориентированной на западные, чуждые идеалы. Русский смиренный тип, по выражению Страхова, это пробужденная сила, «еще не действовавшая в мире»³⁷, — дух простоты, добра и правды. Превосходство смиренного героизма над героизмом деятельным, «голос за простое и доброе против ложного и хищного — вот существенный, главнейший смысл “Войны и мира”»³⁸.

Необходимо отметить некоторую терминологическую особенность у Страхова, касающуюся его рассуждений о хищном и смиренном типах. Четко разделяя смиренный и хищный типы как национальный и чужой, Страхов противопоставляет еще два типа: смиренный и страстный, сильный, отделяя последний от хищного типа (представленного в романе образами Элен, Анатоля, Долохова, Наполеона). Сильный, страстный тип (Григорьев приводил в пример образ Пугачева в «Капитанской дочке») — это тоже часть русской природы, как и смиренный, но Страхов отмечает, что у Толстого «с невыразимой силой и прелестью»³⁹ изображен только смиренный тип — часть русского национального идеала, тогда как образы деятельного героизма в литературе еще не были воплощены. Страхов объясняет это тем, что «сила тогдашней России гораздо более опиралась на стойкость смиренного типа, чем на действия сильного»⁴⁰.

Самое яркое горение Божественного пламени в душах выказалось в Бородинской битве. Именно здесь в полной мере проявился заложенный в человеке героизм, героизм личный и героизм всего русского народа. Страхов указывает и на примеры личного героизма в образах Кутузова, Багратиона, отца и сына Болконских, Тушина, Тимохина и др. Их объединяет способность «безошибочно руководиться чистейшими чувствами долга и чести. Они прямо глядят в лицо судьбы, и для них невозможна самая мысль о страхе, невозможно никакое колебание в действиях, потому что они делают все, что могут, покоряясь течению событий и своей собственной человеческой слабости»⁴¹.

Этой покорности течению событий Страхов придает особенное значение. Ни человеческая воля, ни личные расчеты не способны влиять на ход событий, что раскрывается на примере Бородинского

сражения. Наполеон, сильный, волевой человек, гениальный полководец, неоднократно побеждавший русскую армию, в Бородинской битве не смог переломить ход сражения: и в конце сражения русские стояли на своих позициях так же твердо и грозно, как и в начале его.

Угол зрения Страхова на события в романе «Война мир» — чисто религиозный: «Источники жизни (как отдельных лиц, так и целых народов) гораздо глубже и могущественнее, чем тот сознательный произвол и сознательное соображение, которыми, по-видимому, руководятся люди. <...> Истинные, глубокие силы, управляющие событиями, берут верх над всякими расчетами»⁴². Страхов не употребляет слов «Провидение Божье», но они явно подразумеваются. Критики-современники также называли силу, движущую историческими событиями в «Войне и мире», Провидением (используя и слова «высшая сила», «промысл»)⁴³.

Есть иные точки зрения на то, что следует подразумевать под силой, управляющей ходом событий в романе. Л. Д. Опульская называет эту силу «роевой, стихийной жизнью», историю же делают атомы — «бесконечное множество интересов и побуждений отдельных людей»⁴⁴. «В последних томах “Войны и мира” Толстой часто, очень часто видел в событиях 1812 года исполнение некоей высшей воли, божественной воли. Но эта воля все-таки рождалась не на Небе, — утверждает А. В. Гулин, — а на земле, в бесчисленных сочетаниях жизненных проявлений. Божеством, как бы ни называл ее писатель, выглядела тут естественная жизнь, приводящий ее в движение некий всеобщий “нерв бытия”, а вовсе не лично существующий Бог-Вседержитель»⁴⁵.

Страхов делает краткую характеристику историософских взглядов Толстого, замечая, что, хотя философские отступления в романе сами по себе хороши, они «против художественного такта»⁴⁶, причем Страхов определенно говорит о неправомерности называть толстовскую философию истории фатализмом. Он выделяет несколько основных мыслей: судьбами людей и народов управляют таинственные силы (или Божественное Провидение); «люди сами не знают, чему они служат орудием»⁴⁷.

Страхов заключает свои статьи утверждением: Толстой вывел литературу «из тяжелой борьбы с хаосом нашей жизни и нашего умственного мира <...> и разом поднял нашу литературу на ту высоту, о которой она и не мечтала»⁴⁸.

- ¹ Егоров Б. Ф. О мастерстве литературной критики: Жанры. Композиция. Силь. Л., 1980. С. 41.
- ² Письма Н. Н. Стрхова Ф. М. Достоевскому // Шестидесятые годы: Материалы по истории литературы и общественному движению. М.; Л., 1940. С. 266.
- ³ Там же. С. 265.
- ⁴ Отечественные записки. 1866. № 12. Кн. 1. С. 519–530; Кн. 2. С. 796–814.
- ⁵ Стрхов Н. Н. Литературная критика. М., 1984. С. 236, 237.
- ⁶ Там же. С. 237.
- ⁷ Там же. С. 240.
- ⁸ Там же. С. 241.
- ⁹ Стрхов Н. Н. Критические статьи об И. С. Тургеневе и Л. Н. Толстом (1862–1885). Киев, 1908. С. III.
- ¹⁰ Война вокруг «Войны и мира»: Роман Л. Н. Толстого в русской критике и литературоведении. СПб., 2002. С. 310.
- ¹¹ Опульская Л. Д. Роман-эпопея Л. Н. Толстого «Война и мир». М., 1987. С. 95.
- ¹² Стрхов Н. Н. Борьба с Западом в нашей литературе: Исторические и критические очерки: В 3 кн. Киев, 1897. Кн. 2. С. 147.
- ¹³ Там же. С. 147.
- ¹⁴ Радлов Э. Л. Несколько замечаний о философии Н. Н. Стрхова. СПб., 1900. С. 1.
- ¹⁵ Война вокруг «Войны и мира». С. 179.
- ¹⁶ ИРЛИ РАН. Ф. 287, оп. № 14, архив Н. Н. Стрхова. Лист. 8.
- ¹⁷ Война вокруг «Войны и мира». С. 189.
- ¹⁸ Там же. С. 201.
- ¹⁹ Там же. С. 199.
- ²⁰ Там же. С. 239.
- ²¹ Там же. С. 213.
- ²² Там же. С. 252.
- ²³ Там же. С. 255.
- ²⁴ Там же. С. 247.
- ²⁵ Стрхов Н. Н. Критические статьи об И. С. Тургеневе и Л. Н. Толстом (1862–1885). Киев, 1908. С. 378.
- ²⁶ Там же. С. 387.
- ²⁷ Гулин А. В. Лев Толстой и пути русской истории. М., 2004. С. 150.

- ²⁸ Война вокруг «Войны и мира». С. 205.
- ²⁹ Там же. С. 205.
- ³⁰ Стр а х о в Н. Н. Критические статьи об И. С. Тургеневе и Л. Н. Толстом (1862–1885). Киев, 1908. С. IV.
- ³¹ Война вокруг «Войны и мира». С. 252.
- ³² Там же. С. 235.
- ³³ Там же. С. 230.
- ³⁴ О п у л ь с к а я Л. Д. Указ. соч. С. 105.
- ³⁵ Война вокруг «Войны и мира». С. 224.
- ³⁶ Там же. С. 227.
- ³⁷ Там же. С. 264.
- ³⁸ Там же. С. 253.
- ³⁹ Там же. С. 252.
- ⁴⁰ Там же. С. 240.
- ⁴¹ Там же. С. 191.
- ⁴² Там же. С. 204.
- ⁴³ Там же. С. 55, 118, 277–281, 328–329.
- ⁴⁴ О п у л ь с к а я Л. Д. Указ. соч. С. 110.
- ⁴⁵ Гу л и н А. В. Указ. соч. С. 144.
- ⁴⁶ Война вокруг «Войны и мира». С. 256.
- ⁴⁷ Там же. С. 258.
- ⁴⁸ Там же. С. 271.